

Николай Блохин

На берегах Енисея

Стремительный двадцатый век в истории России будет вспоминать как время строительства невиданных по масштабам заводов чёрной и цветной металлургии, машино- и автомобилестроения, прокладки железных и автомобильных дорог, нефте- и газопроводов, как время перекрытия сибирских рек и создания рукотворных морей, сооружения гидроэлектростанций, как время скоростей в авиации, подъёма целины, покорения морских глубин и космоса, освоения Арктики, Сибири и Дальнего Востока.

Газеты того времени пестрели репортажами с великих строек, по радио звучали песни про ребят, для которых «главное... сердцем не стареть». И разве российский поэт Андрей Бахтин, которому «покой при жизни временный не нужен, а вечный подождёт», мог усидеть дома, в небольшом селе Труновском, что на Ставрополье? Он рвался получить от жизни что-то большое, неизведанное. Поэт сам стремился увидеть «таёжный десант» и «вечные костры». «Однажды в стремительном поезде...» он отправится в путешествие, но не «за звонкой монетой, а за трудной судьбой...».

Пока судьбы грохочет поезд,
Я не приемлю тишины,
В какой, ничем не беспокоясь,
Живут, ни трезвы, ни пьяны.

Мне странно видеть лень на лицах
И холод равнодушных глаз,
Как будто, не успев родиться,
Они и умерли тотчас.

Нет, я хочу зимой и летом
Не тихим быть, не сонным—нет!
Хочу дивиться белу свету,
Пока смотрю на белый свет...

(«Пока судьбы грохочет поезд»)

При чтении книги «Сказка моя родниковая...» (Ставрополь: АГРУС, 2011.—280 с.) может сложиться впечатление, что её автор Андрей Бахтин, покинув однажды отчий дом, так и остался на всю жизнь романтиком. Нет, не только романтиком. Он был прежде всего поэтом. И жизнь он принимал такой, какой она была на самом деле.

Я жизнь люблю и сладкую, и с перцем,
чтоб только бурной пенилась рекой.
А врач сказал: «У вас больное сердце».
И прописал безоблачный покой.

С врачами спорить ныне мало толку,
в столице это иль в каком селе...
Что ж, я смогу спокойным быть,
но только
когда меня не будет на земле.
(«Я жизнь люблю...»)

В поэтической форме поэт признавался в своей любви к Сибири, к Дальнему Востоку, и в частности к Енисею, к Красноярскому краю, к его людям, к жизни вообще, не раз. Казалось бы, Бахтинов впервые увидел город энергетиков Дивногорск и самую большую в мире Красноярскую гидроэлектростанцию, на которую приезжали просто посмотреть со всех концов планеты Земля, даже президент США Гарриман стоял на берегу Енисея, но поэта поразила не стройка, не её невиданный размах. В школьной тетрадке в линию Андрей записал:

Идут в спецовках «короли»,
Надменно, лихо кепки сдвинув,
Чьи руки пахнут, как мои,
Железом, пашнею и дымом;

Чьи скулы вновь опалены
До черноты свирепо-жаркой
Колючей яростью зимы
И отблеском электросварки;

Чьи губы лопаются в кровь
От злых ветров, от пота соли,
Кто простирает над костром
Ладонь озябшую в мозолях...

(«Идут в спецовках „короли“...»)

Стихотворение «Идут в спецовках „короли“...» опубликовано впервые в газете «Серп и молот» (Шарыпово) 17 ноября 1977 года. Оно входит в цикл стихов Андрея Бахтина о Сибири. В его «Сибирской тетради» я насчитал двадцать девять стихотворений об этом крае. А если собрать во едино всё, что написано Андреем Бахтиновым о Сибири, то наберётся ещё больше—около восьми-десяти.

Перелистывая её, нахожу ещё одно стихотворение о Дивногорске, в котором есть такие щемящие строки:

Горбушка хлеба, соли горстка
Да кружка чая на обед...
Есть, друг мой, диво Дивногорска,
И море есть... Покоя нет.
(«Дивногорск»)

Красноярск, Ачинск, Дивногорск, Шарыпово, Енисейск, Игарка... Не привыкший к оседлости, Бахтинов не мог долго жить на одном месте. Скитаясь по Сибири, переезжая из города в город, поэт сменил немало профессий. Он был трактористом, комбайнёром, сверловщиком, плотником, бетонщиком, бондарем...

Мы уходим туда,
где никто не бывал,
Где гитара поёт.
За крутым перевалом—
опять перевал,
Незнакомый судьбы поворот.
(«Таёжный десант»)

Как и все юноши того времени, он бредит романтикой подвига. Андрею Бахтинову, выросшему в степном крае, Красноярск и его города открылись во всей своей неповторимой сибирской красоте.

Снова слышится где-то
тепловозный гудок.
Красноярское лето—
время дальних дорог,
время скорых прощаний
на певучих ветрах,
время грустных молчаний
у ночного костра...

Лунным полнятся светом
паруса тишины.
Красноярское лето—
разноцветные сны.
Колыбельная ласка—
молодая трава.
Неоткрытые снятся
нам в тайге острова.

Не за звонкой монетой,
а за трудной судьбой
красноярское лето
нас уводит с собой.
Встанут в дымке туманной
из вчерашних болот
белоснежные зданья
до небесных высот.
(Красноярское лето»)

Поэт иронизирует над бытовыми проблемами. Его мало занимают грани стирания между городом

и селом. Всё его имущество умещалось в рюкзаке, а квартирой была палатка.

Уходим, не печалься о пустом,
На тёплые местечки без оглядки,
Пожизненно уверенные в том,
Что город начинается с палатки.
(«Уходим»)

Я—к северу круто,
друг мчится на юг;
из лет неуюта—
опять в неуют.

Так вышло, ребята,
с весенних времён
для нас, кто крылато
в дорогу влюблён.

И, видимо, просто
среди разных морок—
один перекрёсток
у наших дорог.
(«Ачинск»)

Если бы не было этого скитанья, не было бы и столь эмоциональных стихов Бахтинова. К примеру, «вот какой у счастья вкус»:

Завтра снова в путь с утра
К дальней «точке» северной—
Попируем у костра
Чаем и консервами.

Перехватим чей-то взгляд—
Нежный взгляд, участливый...
Здесь о счастье не грустят:
Просто очень счастливы.
(«Счастье разных дорог»)

И потом, этому скитанью есть оправдание: для стихов нужен опыт. А Бахтинову для стихов надо было найти ещё и свой звук, как художнику свой свет. Только тогда краски превратятся в свет и засияют.

При чтении стихов Бахтинова ощущается какая-то лёгкость, воздушность и торжественность. Но давалась она поэту не сразу. Его красноярские впечатления связаны прежде всего с его главным городом.

Здравствуй,
мой самый желанный вокзал!
Здравствуй, прекрасный мой город!
Город, в который приходит рассвет
несуетными шагами,
словно он тысячу-тысячу лет
шёл голубыми снегами.
(«Красноярск»)

А сколь мелодичен «Красноярский вальс»! Возможно, когда-нибудь он зазвучит со сцены, по радио, по телевидению.

Дремлют, как люди, устало трамвай,
кружит нас медленный вальс.
Сердце своё я тебе оставляю,
город мечты — Красноярск.

Где бы я ни был, он будет повсюду —
этот задумчивый вальс.
Я никогда, никогда не забуду
город любви — Красноярск.
(«Красноярский вальс»)

Наблюдая вечером после рабочей смены, как день
сменяется ночью, Бахтинов напишет в тетради:

День отсверкал цветными гранями
деревьям, людям и домам.
На красноярскую окраину
волнами катится туман.

Погасли всюду краски тёплые,
кирпич тускнеет и стекло,
и небо вновь — сплошное облако —
на крыши, кажется, легло.

Струится свет из окон матовый,
шаги в тумане не слышны.
Снежинки падают — не падают
в разлив вечерней тишины.

Снежинки кружатся — не кружатся,
беля деревья и дома, —
как будто нотки белой музыки
рисует в воздухе зима.
(«Зимний вечер в Красноярске»)

Перелистывая «Сибирскую тетрадь» Андрея Бахтинова, обращаешь внимание на то, что поэт не останавливался на первом варианте, а вносил поправки, переделывал, шлифовал стихи, дополнял их новыми строками. Так произошло со стихотворением «Цвела черёмуха в Шарыпово».

В антеннах ветер чуть поскрипывал,
луна по лужицам плыла.
Цвела черёмуха в Шарыпово,
ах, как черёмуха цвела!

По лёгким мостикам, по брёвнышкам,
по стёжке, вшитой в талый снег,
туманной улицей черёмушной
шагал счастливый человек.

Шагал, совсем забыв про разные
свои печали и дела:
девчоночка зеленоглазая
тогда в Шарыпово жила...

А вот теперь уже не молодо,
пристав от жизни кочевой,
я прохожу Черненко-городом,
не узнавая ничего.

Но хоть снегов немало выпало,
хоть время вспять не повернёт,

здесь, как тогда, как в том Шарыпово,
опять черёмуха цветёт.
(«Цвела черёмуха в Шарыпово»)

Последние восемь строк написаны позднее, когда город Шарыпово переименовали в город Черненко в память о Генеральном секретаре ЦК КПСС Константине Устиновиче Черненко.

Судьба вынесла Андрея Бахтинова на большую дорогу не случайно. Наблюдая с пригорка возле Труновского (на Ставропольской равнине нет высоких гор) за осенним полётом журавлей, он всегда стремился и сам взлететь вслед за ними и подняться ввысь. Стихи оказались кратчайшим путём к мечте.

Пока дышу, гоню от сердца старость
И не ищу спокойствия нигде.
Как прежде, всё плывёт мой алый парус
К единственно загаданной звезде.
(«Планета Юнь»)

В мою жизнь Бахтинов входил медленно. Помню, впервые я услышал о нём в редакции альманаха «Литературное Ставрополье». Ставропольское отделение Литературного фонда готовило к печати сборник стихов поэта. Редактор сборника «Сказка моя родниковая» Елена Львовна Иванова говорила мне: «Бахтинов жил на пределе человеческих возможностей, излучал свет сам и от других ждал такого же излучения. Андрей мчался навстречу всему неизведанному. Именно так он понимал истинную жизнь и потому по-хорошему завидовал звезде, „так ослепительно сгоревшей“. Поэзия Бахтинова солнечная и светлая: мрак в свои стихи он не пускает, хотя ему были известны и тёмные стороны жизни».

Пусть толкут без меня по Москве горделиво-спесивой
Митинговую пыль чьи-то нервные пары штиблет,
Всё ж большая Москва — слава Богу, ещё не Россия,
И не в звёздах Кремля — самый чистый и праведный свет.

Не от чёрных машин, что фырчат у парадных подъездов,
Не от властных дворцов, где, как прежде, не верят слезам, —
Я беру этот свет от улыбки далёкого детства,
От высокой мечты, давшей ветер моим парусам.

Я беру этот свет в свои песни, надежды и память
От степных родников, утолявших печали не раз;
От ночного костра, навсегда уронившего пламя,
Словно в синий туман, в поволоку единственных глаз;

От лесов и полей, от озёр красоты несказанной,
От рассветных лугов, затаивших вселенскую грусть;
Я беру это свет, самый чистый и праведный самый,
Что веками хранит деревенская горькая Русь.
(«Вечный свет»)

Я прочёл сборник стихов «Журавлиное сердце», который был издан в 2006 году на пожертвования односельчан поэта. Его землякам не давала покоя

мысль: поэт погиб 19 февраля 1993 года, а что же его будет с его стихами?

Бахтинов — не сибиряк. Андрей Дмитриевич родился 6 сентября 1946 года в селе Труновском Труновского района Ставропольского края. В привольном степном крае жили его деды и прадеды, его родители. Здесь же в 1960 году Андрей закончил с отличием семилетку. А среднюю школу, как он сам написал в биографии, «окончил без отрыва от производства». После школы поступил учиться в Новочеркасский геологоразведочный техникум.

Факты его биографии говорят, что он родился, чтобы быть поэтом, этим он и отличался от своих сверстников. Неуловимую для других музыку стихов он слышал всегда. Он очень рано начал писать стихи.

Печатали его мало. В районной газете «Заря коммунизма» того времени изредка выходила «Литературная страница», где публиковали стихи местных авторов. В своей творческой биографии Андрей написал, что его первая публикация была в газете «Заря коммунизма» в 1964 году. Перелистав все номера этой газеты, сохранившейся в фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, я, к сожалению, не обнаружил стихов Андрея Бахтинова ни в 1964-м, ни в 1965-м. Зато в выпусках газеты «Заря коммунизма» за 1966, 1967, 1968 годы кое-что из творчества Андрея Бахтинова напечатано.

В 1966-м — «Белые розы» («Тёплыми дождями напоённые...»), «Весенние ливни» («Тревожат, шагая...»), «Письмо другу» («Привет тебе, товарищ мой далёкий...»), «Родина» («В чистом пруду отражается...»), «Светлана» («Голубой косынкой туман...»), «Тебя я встречу всё равно» («По палубе ветер гуляет упругий...»), «Удивительный день» («Тротуар — заколдованный круг...»).

В 1967-м — «Весёлый дождь» («В разрывах туч лазурь небес мелькает...»), «Вечерний пейзаж» («День уходит походкой измученной...»), «Истоки» («Начинается утро светом...»), «На рассвете» («Костёр догорал. Догорала звезда...»), «О любви» («В безветренный день к земле провода...»), «Раздумье» («Змеится тропа во ржи...»).

В 1968-м — «А ты ждала» («Весна цвела...»), «Буревестник» («Не ветер в то утро носился игриво...»), «В горах» («Не близок тот край...»), «Верю в грядущее» («Я верю в это время...»), «Горит закат над гладью озера...»), «Жил мальчишка в селе...»), «Зовут, зовут дороги» («Когда зеленеет трава...»), «Исповедь» («Чего бы я хотел для себя...»), «На вокзале» («Не успел...»), «На Украине» («Пахнет пашнями, дымом горьким...»), «Нам с родной нашей вовек не расстаться...»), «Реет вечер над дорогами», «Северный Кавказ» («В чужих краях тоска вам душу гложет...»), «Нежность» («В русских душах, в дороге порой огрубелых...»),

«Юность моя» («Шёл солдат дорогою степною...»), «Я читаю тебе стихи» («Душный вечер. На тёплых крышах...»).

Центром сбора и хранения творческого наследия поэта-земляка стала Труновская сельская библиотека Ставропольского края. Именно здесь сегодня хранятся его рукописные тетради, блокноты, письма, автобиографические сведения, фотографии, газетные вырезки с его опубликованными стихотворениями, воспоминания односельчан о встречах с поэтом, его книги.

И самое ценное — это пять тетрадей стихов и прозы Андрея Бахтинова. В них — всё творческое наследие поэта.

Тетрадь первая:

Андрей Бахтинов
СВЕТЛОЗОРЬЕ
(стихи из «Сибирской тетради»),
часть вторая
Год 1985-й.

Тетрадь вторая:

Андрей Бахтинов
РАЗНОЦВЕТНЫЕ КАРТИНКИ
(стихи)
1975—1980 гг.

Тетрадь третья:

Андрей Бахтинов
ВЕЧНЫЕ КОСТРЫ
(поэтический сборник)
1987—1989 гг.

Тетрадь четвёртая:

Андрей Бахтинов
МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ПАМЯТИ
(повесть) —

к 40-летию Победы над фашистской Германией.

В конце рукописи:
июнь 1984 — январь 1985

село Труновское.

И подпись:

А. Бахтинов.

Тетрадь пятая (копия):

Андрей Бахтинов
КРАСНОЯРСКАЯ ТЕТРАДЬ
(поэтический сборник) —
по мотивам сибирских
впечатлений и воспоминаний.

*Наташе Литвинцевой с грустью
и нежностью посвящая...*

Год 1985-й

село Труновское Труновского района
Ставропольского края.

Тетрадь шестая (копия):

Андрей Бахтинов
СИБИРСКИЕ МОТИВЫ
1975—1979 гг.

Труновская сельская библиотека имени А. Д. Бахтинова находится в центре села, за парком. В эту библиотеку ходили Андрей Бахтинов и его сверстники. Новое поколение школьников ходит в ту же библиотеку, но с 2008 года она теперь уже его имени. В центре читального зала, на видном месте,—портрет поэта А. Д. Бахтинова кисти художника Ф. Н. Долженко.

Труновская сельская библиотека—главный популяризатор творчества поэта-земляка, давно переросшего краеведческий масштаб. Коллектив библиотеки небольшой: заведующая Ирина Алексеевна Романова, библиотекари Надежда Викторовна Позднякова и Анна Сергеевна Мангарова продолжают собирать материалы о поэте-земляке. Мечтают о том, что найдётся в родном Отечестве книжное издательство, которое издаст всего Бахтинова. А пока в папках с завязками появляются всё новые и новые материалы о его жизни и творчестве.

Ежегодно библиотека проводит Бахтиновские чтения, публикует материалы о проводимых мероприятиях в районной газете «Нива», размещает их в интернете.

На последних Бахтиновских чтениях впервые прозвучала песня на стихи Андрея Бахтинова «Родники России» в исполнении Елены Викторовны Идрисовой. Музыка к ним написала Галина Викторовна Ступакова, в прошлом преподаватель музыкальной школы.

Твои, Россия, уголки
страны Муравии чудесней.
Твои, Россия, родники
поют серебряные песни.

Поют, и светлая печаль
живой водой в сердца струится;
поют, как хобы при свечах,
при чуть мерцающих зарницах.

Готов часами слушать их:
во мне и в прошлых днях, и в новых
любовь—родник и боль—родник
от этих песен родниковых...

Под небом, цветом в васильки,
а может быть, ещё небесней,
вы пойте вечно, родники,
свои серебряные песни.

А мне такие бы слова,
чтоб в каждом—капельки открытий,
чтоб в ваши песни-кружева
вплести и собственные нити.
(«Родники России»)

Андрей Бахтинов—поэт российского масштаба. Андрей Бахтинов для Труновского—как Сергей Есенин для Константиновского, а Николай Рубцов—для Никольского...

Среди них и вот это стихотворение о родимой стороне. Написанное в Сибири и посланное на родину, оно было опубликовано в районной газете «Нива» 2 октября 1971 года.

О тебе мне названивал
дождик в дальних краях,
с родниковым названием
деревушка моя.

По ночам под ракетами
у деревни чужой
снились мне огоньки твои
за туманной межой.

И призывными кликами
в синезвёздной дали
о тебе мне курлыкали
по весне журавли...
(«Сказка моя родниковая»)

Мне думается, что именно в Сибири поэт острее почувствовал своё ощущение родного очага, дома, края, родной речки Тугулук, которая «по-прежнему течёт неторопливо»...

Земля отцов—не просто так, слова,
Что говорят порой в высоком «штиле»...
Две колеи, заметные едва,
Как два крыла, меня вдруг подхватили!

Ещё с полей тянуло холодком,
Туман росу просыпал ледяную,
А мне бежать хотелось босиком
В распахнутую улицу родную!
(«Мой село»)

Сам же Бахтинов называл себя поэтом «абрикосового края»...

Задумчивые северные сосны,
из простенького ситца небеса,
и я давно соскучился по солнцу,
как мальчиком скучал по чудесам.

А где-то на окраине России,
взращённые теплом родной земли,
так молодо, так славно, так красиво
сегодня абрикосы зацвели.
(«Абрикосовый цвет»)

Или вот такие строки:

В моём степном и песенном краю
шумит, звенит лазоревое лето;
колосья ржи горячий воздух пьют,
что полон здесь густым медовым светом.

Горят костры чабанские, и дым
вечерний ветер отклоняет косо.
Тяжёлые, чуть влажные плоды
роняют, будто дарят, абрикосы.
(«Накануне»)

Стихи Андрея Бахтинова нашли приют на страницах альманаха «Литературное Ставрополье», в журналах «Южная звезда», «Сельское Ставрополье», в газете «Ставропольская правда»... Однажды подборку стихов Бахтинова напечатала «Сельская жизнь». Редакция главной сельской газеты страны, напечатав стихи «Память», «Борозда», «Накануне», от души пожелала их автору «хорошего хлеба и высокого слова».

Из 257 стихотворений, собранных сегодня земляками, как установлено библиографами и уточнено мною, большинство напечатаны в ставропольских изданиях: двадцать девять — в газете «Заря коммунизма» (Изобильный), десять — в альманахе «Литературное Ставрополье», два — в его предшественнике, альманахе «Ставрополье», четыре — в «Молодом ленинце» (Ставрополь)... Больше всего — девяносто стихотворений — опубликовано в газете «Нива» (село Донское Труновского района Ставропольского края). Остальные впервые увидели свет в двух его поэтических сборниках, вышедших в 2006 и 2011 годах.

Три его стихотворения я нашёл в «Сельской жизни». Два стихотворения Андрей Бахтинов напечатал в газете «Серп и молот» (Шарыпово Красноярского края). Их обнаружили библиотекари Красноярска.

По моей просьбе поисками творческого наследия Андрея Бахтинова занимались библиотекари и краеведы Днепропетровска, Набережных Челнов, Красноярска, Шарыпово, Дивногорска, Енисейска, Игарки, Иркутска, Хабаровска, Дурмина, Охотска, Владивостока, Южно-Сахалинска...

Когда в селе Труновском узнали, что в самой главной библиотеке Красноярского края есть фонд, в котором собраны стихотворения о Красноярске и Красноярском крае, и что он ежегодно продолжает пополняться, то сделали всё возможное, чтобы книга Андрея Бахтинова «Сказка моя родниковая» оказалась в этом фонде.

Несомненно, в Сибири Андреем Бахтиновым написаны лучшие, изысканно прелестные и вместе с тем опьяняющие, утончённые и неожиданно сильные, с каким-то необъяснимым подъёмом, переходящим в полёт, стихи.

Однажды в стремительном поезде
Уехать ты мне пожелай
Туда, где за «Каменным поясом»
Лесной удивительный край.

Есть месту название точное,
Его не забыть ни на миг:
Сибирь голубая Восточная —
Тревога бессонниц моих.
(«Однажды в стремительном поезде...»)

В стихотворении «Высота», написанном, видимо, в момент какого-то сильного душевного подъёма, Андрей Бахтинов, обращаясь к потомкам, скажет:

Пусть я не был большим поэтом,
Но, моих не читавши строк,
Лжёт молва, что сгорал без света,
Что согреть никого не смог.

Пусть был путь каменист, и труден,
И опасен в крутой момент,
Я любил вас до боли, люди,
Ничего не прося взамен.

Было что-то во мне от неба —
От высокой его судьбы,
Пусть я славным поэтом не был,
Но поэтом я всё же был!

Проклинаемый яро, злобно
Не умеющими летать,
Я тянулся к далёким звёздам,
Чтоб их свет вам из рук отдать...

И за страстную жажду эту
Высоты
До последних дней —
Наградите меня...
Посмертно
Доброй памятью обо мне.
(«Высота»)

Стихотворение «Высота» стало своеобразным завещанием поэта, его последней волей.

Потомки будут помнить Андрея Бахтинова в основном по его стихам. Они будут помнить его как поэта.